

Юрий Лифшиц

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Избранные стихи и
поэмы

Юрий Лифшиц
Аз, Буки, Веди.
Избранные стихи и поэмы

«Издательские решения»

Лифшиц Ю.

Аз, Буки, Веди. Избранные стихи и поэмы / Ю. Лифшиц —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856617-2

У поэта Ю. Лифшица немного стихов. Свою творческую энергию он в основном направил в сторону художественного перевода. Но невозможно переводить стихи, не будучи поэтом. В своей второй книге стихов (первая — «Тетрадь и Слово о полку», 2001 г.) Ю. Лифшиц предстает как тонкий и серьезный лирик, которому есть что сказать вдумчивому читателю — на каждую из первых пяти первых букв древнерусского алфавита. В оформлении обложки использована картина французского художника Жоржа Сёра (1859 — 1891).

ISBN 978-5-44-856617-2

© Лифшиц Ю.
© Издательские решения

Содержание

Аз	6
«Ах, Москва, с ума свела!»	6
Разговор с Бахом	7
Отъехавшему другу	11
Несостоявшемуся другу	12
Звезды и счастье	14
Те же бесы	15
Дворовая	16
Город Мастеров	18
Русские руины	22
Моя книга	23
«Я все оставлю вам, когда уйду...»	24
Имя	25
Азохнвей, советские евреи!	26
Лифшицкий венок сонетов	26
1	26
2	26
3	27
4	27
5	28
6	28
7	28
8	29
9	29
10	30
11	30
12	31
13	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Аз, Буки, Веди Избранные стихи и поэмы

Юрий Лифшиц

© Юрий Лифшиц, 2017

ISBN 978-5-4485-6617-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аз

«Ах, Москва, с ума свела!»

Ах, Москва, с ума свела!
Ах, Москва, я твой невольник!
Колокольни, колокольни,
Колокольни, купола!

Я шатаюсь день-деньской
по старинным, по исконным:
по Ордынке, по Волхонке,
по Таганке, по Тверской.

В чем тут дело, в чем секрет —
я готов тысячекратно
поворачивать с Арбата
на Калининский проспект.

По пути ль, не по пути —
непременная отрада:
от Кропоткинской пройти
к Александровскому саду.

Ах, Москва, в полон взяла!
Я невольник добровольный.
Колокольни, колокольни,
Колокольни, купола!

Я, Москва, навеки твой.
Помолчим перед разлукой.
На прощанье Долгорукый
машет княжеской рукой...

1986, 1987
Москва, Орск

Разговор с Бахом

Поговори со мною, Иоганн.
Помилуй, Бах, нисколько я не пьян,
а только принял полконцерта на ночь...
Поговори со мною, Себастьяныч.

Прости за фамильярность, милый Бах.
Послать меня ты можешь в Айзенах
или куда подальше: ты же гений —
послать не можешь ты интеллигентней.

А я... Что я? Провинциал. Еврей.
И, выйдя из электрослесарей,
в отличие от вас, любезный кантор,
от бельмондо не отличу бельканто.

Представь себе: СССР, хрущоба,
и некий Гульд мне шпарит в уха оба —
тебя... А был еще и Пахельбель,
такого же регистра менестрель.

Прости, мин херц, но от его «Чаконы»
я с мозжечка съезжал во время оно,
когда следил, узнав из аннотаций,
чаконских двенадцать вариаций.

А был еще и некто Букстехуде,
что преподнес тебе орган на блюде.
А ты с ним, кстати, поступил невместно,
не клюнув на органную невесту.

Я путаюсь... Дражайший Бах, прости.
Монахом не был ты всю жизнь почти
и, сочиня «Страсти по Матфею»,
рожал детей, страстями не владея.

Я путаюсь... Увы мне, добрый Бах,
я не могу убраться в Айзенах.
В Германии – в Аркадии твоей —
я был тому назад немало дней.

Германия! Бавария! Форель!
И есть там деревенька Байришцелль,
где монумент воздвигнут для солдат,
погибших в Russland'e сто лет назад.

И есть Швангау. Замок Нойшванштайн,
где я, дивясь созвучью шван и швайн,
легенде лебединой отдал честь...
В Баварии еще и Мюнхен есть.

Фрауэнкирхе. Твой оргельконцерт:
один – за сорок патефонных лет.
На съемки изнутри – еврозапрет.
Но на любовь – у нас запрета нет!

Я музыку снимаю наугад,
прикрыв программкой фотоаппарат,
и ходит «Никон» мой, как метроном,
в такт моему дыханью ходуном.

А в витражах запутавшийся свет
идет за партитурой, как мотет.
Вот-вот закаплет дождь, хоть слезы все
в Уральской затерялись полосе...

И был евромайдан. Мариенплац.
И, словно автоматы – клац да клац, —
давил на спуски гаджетов своих
народ честной на фоне местных кирх.

И подле ратуш рынок, как причал,
всю еврозону колой привечал.
И где-то там, в сортире ресторана,
сидела стражем девушка из Ганы

и плакала, мобильник свой включив,
под африканский видеомотив,
и бюст ее не местный ходуном
дыханью в такт ходил, как метроном...

Опять не то... Скажи мне, шпильман Бах,
допустим, ты бы жил в других краях,
в другое время, слушал бы битлов,
«Лед Зеппелин», «Дип Пёрпл» и «квинов»;

стишки кропал бы, изнуряя стол,
и от «Пинк Флойда» к Баху перешел;
читал бы книжки и, дойдя до Манна,
балдел от Леверкюна Адриана;

искал бы смыслы смыслу вопреки
от слова к слову, к строчке от строки;
не зная гармонических грамматик,
блуждал в тумане высших математик;

рехнулся бы от шёнберговских тем,
и вот когда свихнулся бы совсем —
услышал бы ты музыку тогда?..
А я услышал. В том-то и беда.

Я знаю ноты. Я не знаю нот.
Могу из трех собрать один аккорд
и взять их три-четыре в оборот.
Но три аккорда не идут в зачет,

когда ты видишь, грустью обуян,
как плотно нашпигован нотный стан;
когда ошалевашь в шесть секунд
от слов «секвенция» и «контрапункт».

Что делать мне с твоею си бемоль,
с твоею ля, с твоими до и си?
Зарифмовать поваренную соль
с картошкой и селедкой иваси?..

А две пластинки первые мои
по буквицам внимал я в забыты.
Пластинки две мои – Шопен и ты —
как исцеление от глухоты.

Чуть позже я едва ли не исчез
в соляриxe твоих органных месс,
а вслед за тем едва ли не пропал,
забравшись в твой Ноймейстерский хорал.

А если бы я в веке жил твоим,
меня б ты взял к себе учеником?
Я бегал бы за пивом в магазин
и протирал от пыли клавесин,

и помогал настраивать орган,
а в выходной, конечно, был бы... трезв.
Шучу-шучу, ведь я не пью почти,
по крайней мере, после двадцати.

Ты хмуришься? Тебе пора домой,
в Баххаус свой на улице Мясной?
Там нынче Лютерштрассе, 35.
И кто посмел ее Мясной назвать?!

Там быть должна тринкхалле за углом:
в Германии тринкхалле – каждый дом,
где льются реки брау, а не вайн,

а на закуску – что-нибудь из швайн.

Мы там с тобой однажды посидим:
твой ученик с учителем своим.
Узнав тебя, лакей молодцеватый
поставит нам «Кофейную кантату»...

Ты вновь, любезный Бах, нахмурил брови,
остановив меня на полуслове.
Ну что ж, еще успеем поболтать.
Я помню: Лютерштрассе, 35...

Прощай, мой добрый Бах! Прощай. Прощай.
Забудешь ты, но ты не забывай.
Увидимся еще. Наверняка.
Пока, маэстро Бах! Пока, пока...

Уходит Бах. И белый свет не мил.
Поговорили. Недоговорил.
Ушел. Но продолжают разговор
прелюдия и fuga си минор...

17—19 октября 2015

Отъехавшему другу

Земля обетованная. Печаль
такая же, как и во время оно.
Сухая комариная пищаль
сочится из пазов Бен-Гуриона.

Застыла птица. Двигатель заглох
иль остановлен, что одно и то же.
Теперь за все в ответе только бог,
на Бога совершенно не похожий.

На все про все – одышка и слеза,
засохшая на сгибе мокасином.
И чешуя козырного туза.
И жажда. И любовь к трем апельсинам.

Один – за тех, кому не повезло.
Другой – за то, что стало недоступно.
А третий – так. Наверное, назло.
Зато он самый сладкий. Самый крупный.

Сентябрь 1997 – 2 июня 1998

Несостоявшемуся другу

Со мной Вы были Моцартом, мой друг,
а без меня останетесь Сальери.
Вам, друг Сальери, было б недосуг
сдружиться даже с Данте Алигьери.

Вы не были мне другом. Никогда.
А стать моим врагом – не в Вашем стиле.
А стали бы – о счастье! – Вы тогда
меня бы непременно отравили!

Любить, а не трепаться о любви —
вот наша философия, Гораций!
Сперва влюбись, а там – хоть отрави
игрой аллюзий и аллитераций.

Ты полюби, а там – хоть отравись!
А Вы, мой друг, отравлены – собою.
Там асмодеи заползают в мысль,
где нету амадеев под рукою.

Без вольфгангов в любые времена
не обуздать ни шепота, ни грома.
Кому такая музыка нужна,
где на стакан пятнадцать капель брома?

Со мною Вы стать Моцартом могли.
Два Моцарта – не так уж это много.
Участок невозделанной земли
талантливей, чем пошлая дорога.

Но Вам любить, к несчастью, не дано.
Вам не до комплиментов и оваций.
Вам подавай элитное кино
для элитарных же интерпретаций.

Но жизнь не принимает режиссур
иных, помимо высшей режиссуры.
И не указ нам Шпет или Соссюр,
когда мы все тут шпеты и соссюры.

Поэтому, Сальери, друг мой, – нет,
не друг... но и не враг же в самом деле! —
не бойтесь: ради Вас мой пистолет
стреляет регулярно мимо цели.

И этот выстрел тоже в «молоко»
(а Вы ужалить в сердце норовите).
Признаюсь Вам, мне было нелегко
считать себя придворным в Вашей свите.

Я ведь и сам, Вы знаете, король,
лишенный, впрочем, королевской доли.
Но я привык, играя эту роль,
не выходить за рамки этой роли, —

затем что, находясь под каблучком
прекрасной, но капризной королевы,
не вижу ничего дурного в том,
что внук Адама служит внучке Евы.

Прощайте... на тринадцатой строфе.
Прощайте... на пятидесятой строчке.
За все и даже... за аутодафе
спасибо Вам. Дошедшее до точки.

12 января – 25 февраля 2000

Звезды и счастье

Кто рожден под счастливой звездой,
на земле прозябает уныло,
потому что все счастье с собой
забирает астральная сила.

Если ты не знавал никогда,
ни любви, ни хотя бы участия,
значит, в небе смеялась звезда,
задыхаясь от млечного счастья.

Если ж люди счастливы окрест
от рождения и до погоста,
значит, свой поднебесный насест
покидают несчастные звезды.

Умирают они по ночам,
искрой перечеркнув мирозданье.
С неживыми не стоило б нам
согласовывать наши желанья.

А всего несчастливей звезда,
отлетевшая днем или утром,
незаметно горя от стыда
незаметным своим перламутром.

Потому-то нам счастья и нет
в этой жизни, воистину тленной,
ибо счастья всеобщего свет
перегасит все звезды Вселенной.

Но такого не будет вовек:
мироздание к нам равнодушно,
и когда несчастлив человек,
значит, это кому-нибудь нужно.

Ну, а если счастлив невзначай,
не гордись воплощенной мечтою,
ибо твой ослепительный рай
несчастливой оплачен звездой.

2 октября 2015

Те же бесы

Истомилась мостовая,
оступаясь по холмам,
потому что вьюга злая,
заблажила сквозь туман.

Сыплет стылые кошмары
с перестуженных полей
в перетруженные фары
перепуганных зверей.

Оснежённая рулетка,
тоже русская поди:
ни разметки, ни разведки,
на запретки впереди.

И, бросаясь под колеса,
полоса за полосой,
бесы россыпью белесой
сеют смерть на мостовой.

7—14 февраля 2015

Дворовая

В этот дом со знакомыми окнами
шел не улицей я, а проулочком
и всегда замечал под балконами
одинокую стоящую дурочку.

И дымила она папироскою,
и носила нелепые платица,
и ругалась она с недоростками,
и могла ненароком расплакаться.

Дремлют пятиэтажные тополи
в беспокойном дворе моей памяти.
Сколько троп мы под ними протопали
до того как подернулись патиной.

Нет уж ни тополей, ни родителей
в стариковских пальтишках заношенных,
нет на лавочках бабушек бдительных
и стучащих с утра доминошников.

Погрустнели пенаты облезлые,
став хрущобами и перестарками,
и захлопнулись двери железные,
и дворы обросли иномарками.

Сломан корт, где мы шайбу футболили,
и в асфальт, не расчерченный в «классики»,
смотрят только коты сердобольные
через окна из модного пластика.

Сколько нынче детей в целом городе,
столько было тогда в нашем дворике.
Не расслышать в теперешнем грохоте —
прятки, салочки, крестики-нолики.

А зимой вместо чистописания
ребятишки на улице носятся,
где красивая девочка самая
мне попала снежком в переносицу.

А когда я вернулся из армии,
целовались мы так с этой девочкой,
что порой улыбалось парадное,
грея нас радиаторной печкою.

Мы лет сорок все так же целуемся,
как когда-то юнцами зелеными,
но не бродим до света по улицам,
ведь подъезды теперь с домофонами.

В этот дом с незнакомыми окнами
я иду, как обычно, проулочком
и встречаю опять под балконами
одинокую прежнюю дурочку.

Покурить бы сейчас с ней на лавочке,
обсудить, что творится по «ящику»,
но боюсь, что старушка расплатится,
и на кой мне курить, некурящему?..

21—25 октября 2016

Город Мастеров

Баллада

Среди лесов, полей и рек,
степей и грозных скал
веселый Город Мастеров
когда-то процветал.

Далеко ото всех столиц
и крупных городов
собою горд и духом тверд
был Город Мастеров.

Трудились там и стар, и млад
совсем не задарма,
но возводили там для всех
бесплатные дома.

Аллеи, парки и сады
росли как на дрожжах,
и славный Город утопал
в деревьях и цветах.

Одежду шили Мастера,
тачали сапоги,
варили пиво и пекли
блины и пироги.

Растили хлеб, держали пчел
и ткали полотно,
ловили рыбу, скот пасли
и делали вино.

Стихи писали Мастера
и музыку к стихам,
и вечно был набит битком
театр по вечерам.

Играли свадьбы что ни день,
суля влюбленным рай.
А сколько было там детей —
поди их сосчитай.

Детей учили Мастера
лечили стариков...
Но вдруг напали Дураки
на Город Мастеров.

Им говорили Дураки:
живете вы не так,
но вас мы можем научить:
мы знаем, что и как.

Никто не ведал, не гадал
об этих Дураках,
но показалось всем тогда,
что правда в их словах.

Хоть было от таких речей
обидно Мастерам,
решили все-таки они
поверить Дуракам.

И те тотчас же принялись
рубить, крушить, ломать,
и, разом все переломав,
сломали все опять.

Лишили начисто всего
наивных Мастеров:
земля, вода и даже свет
в руках у Дураков.

Все развалили, все смели
до крошки, до глотка,
отныне в Город даже хлеб
везут издалека.

Законы пишут Дураки
вершат неправый суд,
а скажешь слово поперек —
в два счета рот заткнут.

Разбогатели Дураки
и в сладком забытии
на ветер сыплют барыши
чужие, как свои.

А если спросишь про доход —
грозят перстом руки:
нельзя заглядывать, друзья,
в чужие кошельки.

Аллеи, парки и сады
пустили на дрова,
чтоб магазинам застить свет

не смели дерева.

Все исковеркали вконец,
одну имея цель,
чтоб все на свете превратить
в кабак или в бордель.

Теперь не ценится совсем
простой и честный труд,
и если не воруеть ты,
тебя же осмеют.

Не учат ничему детей,
не лечат стариков.
Велели всем за все платить:
не можешь – будь здоров!

Ссужают деньги Дураки
с немалою лихвой,
но если в срок не возвратишь —
ответишь головой.

И Мастерам пришлось тогда
покинуть отчий край,
а сколько с места их снялось —
поди-ка сосчитай.

И разъезжаются они
искать Фортуны там,
где жизнь испортить Дураки
не могут Мастерам.

И все, кто голову еще
имеют на плечах,
бросают дом, чтоб Дураков
оставить в дураках.

Но им на это наплевать,
известно им давно,
что все оставить край родной
не смогут все равно.

Немного в Городе детей,
но много стариков,
и остаются все они
в руках у Дураков.

Не ведает никто из них,
что впереди беда,

и скоро Город Мастеров
исчезнет навсегда.

И не оставить Дуракам
опустошенных мест,
ведь перессорились они
с Придурками окрест.

...Среди лесов, полей и рек,
степей и грозных скал
веселый Город Мастеров
когда-то процветал.

Далеко ото всех столиц
и крупных городов
собою горд и духом тверд
был Город Мастеров...

11 ноября – 1 декабря 2016

Русские руины

Орску посвящается

Рассеется, как пыль из-под колес,
непостоянной жизни постоянство,
и небо включит радужный насос,
выкачивая время из пространства.

И нолики пойдут, держа в горсти
краюшки неприкаянного края,
чтобы себе на крестик наскрести
в окрестностях расхристанного рая.

Как ростовщик, закрывший уши ватой,
чтобы вкусить оплаченный покой,
здесь повернулись небеса спиной
к земле, пред ними вечно виноватой...

Август 2005 – 9 декабря 2011

Моя книга

В пятьдесят седьмом я вышел в свет
тиражом в один экземпляр.
И хотя моей книге немало лет,
для себя я не так уж стар.

И не молод, чтоб не смежать ресниц,
понимая, что томик мой,
сам собой дойдя до последних страниц,
захлопнется сам собой.

Я был начат в лучшие времена
и рассчитан не для продаж.
Знает только Бог, какова цена
книге той, что выходит в тираж...

27 февраля 2017

«Я все оставлю вам, когда уйду...»

*Я весь этот мир забираю с собой
Живите без света – и плачьте!
Г. Григорьев. Завещание*

Я все оставлю вам, когда уйду.
Нет-нет, благодарить меня не надо:
я все-таки возьму одну звезду,
когда уйду тропею листопада.

Да что звезда – всего лишь уголек,
неяркий проблеск на небесной глади,
прозрачной точки призрачный кружок
в какой-нибудь заоблачной тетради.

А кто ее оставил на потом,
наверно, думал: может пригодится,
а век спустя, листая скучный том,
перечеркнет ненужную страницу.

Какая грусть! Какой счастливый час!
Какие несравненные ступени!
Какое незаметное для глаз
мгновенье безответного успенья!

И ничего. И все. И благодать.
И солнце неприступное в зените.
Мне жалко вас без солнца оставлять.
Меня вы только не благодарите.

27 сентября 2012 – 20 ноября 2016

Имя

Уходит человек во тьму,
но остается имя.
О, как не хочется ему
мерцать между живыми.

Как хочется ему вернуть
свое пустое тельце
туда, где вспомнит кто-нибудь
законного владельца.

А если в памяти пустой
он не найдет ответа,
то безымянной тишиной
растает имя это.

23 июля 2017

Азохнвей, советские евреи!

Лифшицкий венок сонетов

1

Азохнвэй, советские евреи!
И полутораглазый Бенедикт,
постигший все – от ямба до хоря —
до срока отсчитал последний икт.

Видать, стрелецкий вкрался благовест,
в канон прамузыки материковой,
в которой дилювическое слово
преодолеет георгиевский крест.

Но на ветру трепещет волоконце
живой строки, забредшей в мертвый скит,
из топи блат взошло не волчье солнце
и снова флейта Марсия звучит.

В бессмертной мерзлоте первооснов
немало вас, талантливых жидов.

2

Немало вас, талантливых жидов,
сбежали от погромов и распятий,
чтобы возглавить вовремя и кстати
кержацкий институт иных миров.

Новосибирск и Хаймыч Исаак —
вполне себе обыденное дело,
призвавшее врача ускорить шаг
от здравоохраненья до расстрела.

Неплох был тот еврейский рядовой,
который, хоть служил у атамана
всего лишь две недели в лекарской,
ждал (не дождался) манны из нагана,

о гиппократах будущих радея,

работавших на матушку-Расею.

3

Работавших на матушку-Расею
набыченных до одури телят
вела на свет отнюдь не наугад
рука полуопального халдея.

Эстетикою лифшицких наук,
набитых ортодоксии зарядом,
палил он изо всех своих базук
по современным авиаотрядам.

И всяческих разумных шагинян,
подобных дневниковой Мариэтте,
брал на философический аркан,
сам далеко не будучи как эти,

кто из-за пары суверенных слов
своих пейсатых не снесли голов.

4

Своих пейсатых не снесли голов
иные синемлузники, не Шуров,
который оказался жив-здоров
для скетчей, шуток, песен, каламбуров.

Он пел, играл, хохмил и думал втуне:
«Израилевич, мать его ети!
Ну, разве плохо – Лившиц и Рыкунин?..»
Но на эстраду вновь пора взойти...

Зато теперь все Манечки в борделе,
нет «Аннушки» и масса «Главсметан»,
Касьяны пашут на своих Ульян,
а песенки зае... зае... заели...

Вы поняли, как стало все немило,
пархатые, куда вас заносило?

5

Пархатые, куда вас заносило?
Иных белобилетников – на фронт,
где Кенигсберг ломает горизонт,
но отсылает в тыл, а не в могилу.

А броненосец чьих-то лучших лет
на всех парах парит из Кохановки
туда, где нет не только остановки,
но и обратно ходу тоже нет.

И хоть неймажется снять (или сыграть)
тот самый матч, хотение умерьте:
не каждому дается благодать
судьбой распорядиться в матче смерти.

Тому, кто принимал инфаркт на грудь,
каких небес хотелось достигнуть?

6

Каких небес хотелось достигнуть,
он пять минут раздумывал бывало,
когда стихов пятиминутных суть
перед ним гасила блики карнавала.

Поэт в квадрате больше, чем мираж,
будь он не Лифшиц, а напротив, Клиффорд,
и правду выдавал, пускай навыверт,
его британско-русский карандаш.

Нет-нет, поэты, вы не очерствели,
баллады ваши все еще в цене,
вы были удостоены шинели,
чтоб акrostих исполнить на войне.

На краткий миг судьба забудет пусть,
какой вам вымораживала путь.

7

Какой вам вымораживала путь,

евреи, на каких полях фортуна,
вы ведали. И верили чугуно:
кто с «пятым пунктом» – про футбол забудь.

Хотя... Давидыч. Йосип. Не Кобзон.
Но первый Лифшиц. В киевском «Динамо».
Последний – он же. Не один сезон
его ждала домой Одесса-мама.

Защитник. Рыжий. Весом пять пудов.
Под девяносто игр. Четыре «банки».
Брал «бронзу». Опасались даже баски
его подкатов, пасов и финтов.

А от серьезных травм его хранила
терновых звезд клиническая сила.

8

Терновых звезд клиническая сила
Союзу не сулила ничего,
но проверяли разве что дебилы,
крепка ль броня у русских ПВО.

«А лох ин коп! В секретном учрежденье
кого ни встретишь – вылитый аид!
Мы делаем приборы наведенья —
а рулят Лифшиц, Залман и Давид!»

Но в этом «филиале синагоги»
такое выросло ПУАЗО,
что за свое нахальное верзо
держались паверсы с большой дороги.

Тогда был крепок, несмотря на спазм,
реальности пятиконечной пазл.

9

Реальности пятиконечной пазл
в мозаике физического курса
пришелся впору в качестве ресурса,
пошедшего на атомный фантазм.

Воистину не каждому дано

вять десятитомные скрижали
«Ландафшица», как их студенты звали,
и не упасть на клетчатое дно.

Решались уравнения Эйнштейна
и универсум ширился меж тем,
но было нечто выше теорем —
учителя любить благоговейно.

Ученые! Режимный дух струбцины
въезжал ли в ваши тришкины доктрины?

10

Въезжал ли в ваши тришкины доктрины,
маэстро, например, военный строй,
чтобы потом подвыпивший герой
ходил на пятикратные смотрины?

И – светлый путь! Фабричная Психея
слыла идеалисткой неспроста:
наивною была, как Дульсинея,
пока не стала матушкой Христа.

Такое назначенье, господа:
ведь и, помимо марафонских буден,
случается по осени беда,
которая под стать нетрезвым людям.

Кто перепутал следствие с причиной,
давая вам понять, что все едино?

11

Давая вам понять, что все едино,
жизнь и острог устроит, и окоп,
и космополитическую мину
исподтишка залепит прямо в лоб.

Ступенью первой станет маскарад,
потом – потусторонние ступени,
и выплывут клаверовские тени,
забытые сто лет тому назад.

Потом Одесса нежности исконной,

где первый нотабене крик издал,
а после сгинул за базар-вокзал
один политработник Первой конной,

о ком весьма подробно рассказал
и Лившиц, и не Лившиц, и шлимазл.

12

И Лившиц, и не Лившиц, и шлимазл
вокруг костра водили шуры-муры,
чтоб после из чудесной десантуры
себе заморский выправить оргазм.

А впрочем, возвращаются сизифы
в свой иллюзорный мемуарный рай,
где говорящий правду попугай
нью-йоркские рассказывает мифы.

Вы сами отбирались в арьергард,
чтобы друзьям скончавшимся потрафить,
не поводя и глазом на фальстарт
литературных автобиографий.

В эпохи, неизменно роковые,
как ни крути, вы не склоняли выи.

13

Как ни крути, вы не склоняли выи,
хотя в порядке были позвонки
и поражения спинномозговые
от вас, казалось, были далеки.

И будут ваши золотые руки
вершить свой золотой спинальный труд,
и не однажды вас послом науки
и магом медицины назовут.

Но ваши десять тысяч операций
по исцелению всевозможных травм
превыше всех дипломов и оваций,
которые предназначались вам,

простые боги нейрохиругии,

не лишние в истории России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.